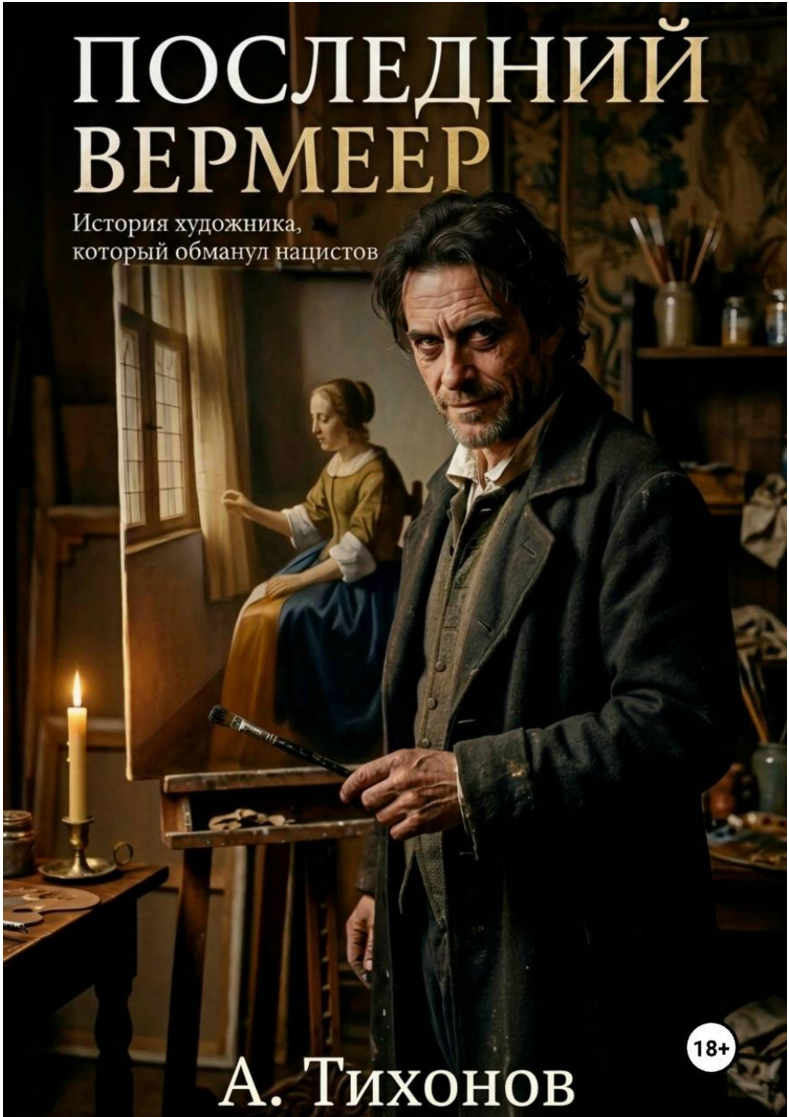

ПОСЛЕДНИЙ ВЕРМЕЕР
История художника, который обманул нацистов
18+
А. Тихонов

Андрей Тихонов

Я — Вермеер. Художник, обманувший нацистов

https://litres.ru/74725164
SelfPub; 2026

Аннотация

1945 год. Амстердам. Хан ван Меегерен сидит в тюрьме и ждет смертного приговора. Его обвиняют в коллаборационизме — он продавал бесценные шедевры голландского искусства самому рейхсмаршалу Герингу.

Но на допросе Хан улыбается следователю и заявляет: «Это не Вермеер. Это я написал эту картину».

Ему не верят. Судьи смеются ему в лицо. Чтобы доказать свою правоту и спасти себе жизнь, великому аферисту придется написать нового «Вермеера» прямо в тюремной камере.

Это история о гении, который решил обмануть весь мир искусства — и преуспел. История о том, как бедный художник стал кукловодом, а его кисть оказалась опаснее оружия.

Андрей Тихонов
Я — Вермеер. Художник, обманувший нацистов

Глава 1. Холст, который не хотел сохнуть

Тюрьма предварительного заключения, Амстердам, 1945 год

Запах здесь был особенный. Не порох и не гарь от недавних бомбежек. Пахло сыростью, старой штукатуркой и — слабо, почти на грани галлюцинации — скипидаром.

Я сидел на жесткой койке и смотрел на свои руки. Руки художника. Они были чистыми, но я знал, что под ногтями навсегда въелась краска. Не та, которой пишут пейзажи для туристов. Другая. Та, что помоложе — семнадцатого века.

В коридоре лязгнули ключи. Я не обернулся. Я знал, кто это.

— Ван Меегерен. На выход. На допрос.

Молодой офицер в форме союзников смотрел на меня как

на крысу, которую вот-вот раздавят. А я смотрел на него как на зрителя в первом ряду.

— Вы понимаете, за что вас держат? — спросил он, когда мы шли по длинному коридору, эхом отражавшему шаги.

— Понимаю, — ответил я. — За то, что я слишком хорошо рисую.

Он дернул меня за локоть. Мы вошли в кабинет. Там пахло кофе и сигаретами. На столе лежала папка. В папке — фотографии. Я узнал их сразу. Мои «Вермееры». Те самые, что висели в лучших галереях Европы. Те самые, что покупал сам рейхсмаршал Геринг.

— Вы обвиняетесь в коллаборационизме, — холодно произнес следователь. — В продаже национального достояния Нидерландов врагу. Это измена. Это может быть расстрел.

Я сел на стул, вытянул ноги и улыбнулся. Впервые за долгое время мне стало по-настоящему весело.

— Господин следователь, — сказал я тихо. — Вы неверно ставите вопрос. Вы думаете, я продал Герингу шедевр голландского искусства. Но это не так.

— А как?

— Я продал ему... себя.

Он замолчал. В кабинете стало тихо, только часы на стене тикали, отмеряя последние минуты моей прошлой жизни.

— Я не продавал Вермеера, — продолжил я, глядя ему прямо в глаза. — Я написал этого Вермеера сам. Всех их. Каждую картину. Каждого Христа, каждую женщину у окна, каждую жемчужину. Это мои картины.

Следователь откинулся на спинку стула и рассмеялся. Смех был нервным, недоверчивым.

— Вы хотите сказать, что вы — Вермеер? — спросил он, утирая слезу.

— Нет, — ответил я. — Я — Хан ван Меегерен. И я — величайший художник двадцатого века, потому что я обманул всех вас. Даже вас. И сейчас я расскажу вам, как я это сделал.

Мне вспомнился 1937 год.

Тогда я был никем. Меня звали «провинциальным художником». Мои полотна пылились в мастерской, а критики морщились, глядя на них: «Слишком старомодно, ван Мееген. Слишком... академично».

Я ненавидел их. Ненавидел их за то, что они считали себя богами, решающими, что красиво, а что нет.

И тогда я решил сыграть с ними в игру. Я нашел старый холст семнадцатого века. Купил специальные краски. Я знал, как Вермеер смешивал лазурь. Я знал, как он накладывал свет. Я писал эту картину три месяца. Я не спал, я почти не ел. Я молился не Богу, а кисти.

И когда картина была готова, я позвал лучшего эксперта. Он смотрел на нее два часа. А потом посмотрел на меня. В его глазах был шок.

— Это... — прошептал он. — Где вы это достали?

— В одной частной коллекции, — соврал я. — Хочу продать.

— Это подлинник, — выдохнул он. — Это Вермеер. Неизвестный Вермеер.

В тот момент я понял, что мир искусства — это большой театр. И я наконец получил главную роль.

Следователь смотрел на меня, прищурившись.

— Вы врете. Вы просто пытаетесь избежать виселицы.

— Хотите доказательства? — я наклонился вперед. — Принесите мне холст и краски. И я напишу вам нового Вермеера. Прямо здесь. В этой тюрьме. И вы сами сможете убедиться, что я не лгу.

Он молчал. Я видел, как в его голове рушится привычная картина мира. Ведь если он поверит мне, то вся история искусства — это фикция. Ведь если он не поверит, то отправит на смерть невиновного.

— Зачем? — спросил он наконец. — Зачем вы это делали? Деньги?

— Деньги? — я усмехнулся. — Я продавал их за бесценок. Нет. Это не про деньги.

Я подался вперед, почти касаясь лицом решетки.

— Я хотел доказать им, что гений не зависит от имени. Что их эксперты — просто слепцы, которые верят в таблички на стенах. Я хотел, чтобы они восхищались мной, даже не зная меня. И я добился этого. Они вешали мои картины в музеях. Они гордились ими. А потом я отнял у них это. Одним признанием.

Я откинулся назад.

— Но самое смешное в этой истории, господин следователь... они до сих пор мне не верят. Они думают, что я сумасшедший. Или лжец. Потому что если они поверят мне, им придется признать, что они — идиоты.

В комнате снова стало тихо. Следователь закрыл папку. Его руки дрожали.

— Уведите его, — сказал он хрипло.

Меня повели обратно. Но я знал: я победил. Потому что теперь он будет думать об этом всю ночь. А завтра он принесет мне краски.

И я снова стану Вермеером.

Глава 2. Рецепт бессмертия

Амстердам, 1936 год

До того как я стал «Вермеером», я был Ханом. Ханом ван Меегереном. Человеком, который снимал комнату с протекающей крышей и смотрел, как богатые коллекционеры проходят мимо его работ, даже не задерживая взгляда.

Моя мастерская пахла льняным маслом и разочарованием. Я писал портреты богатых купцов и их жен. У них были лица, будто вырезанные из дерева, и глаза, которые не хотели смотреть на мир. Я рисовал их, брал деньги, а потом шел в местный музей.

Я стоял перед «Девушкой с жемчужной сережкой» и чувствовал, как во мне закипает злость. Вермеер был гением. Но он был гением семнадцатого века. А я — гений двадцатого. Почему его полотна висят за пуленепробиваемым стеклом, а мои пылятся в чуланах?

И тогда мне пришла в голову мысль, которая сначала показалась безумием.

Я не буду просить мир признать меня. Я заставлю мир поверить, что я — это он.

Первое, что я сделал — купил старый холст. Настоящий, семнадцатого века. Продал его мне один антиквар, не задавая лишних вопросов. Холст был темным, с трещинами, как морщины на лице старика. Идеальная основа.

Второе — краски. Я не мог использовать современные. Они слишком яркие, слишком химические. Я выписал из Англии редкие пигменты, которые использовали мастера Золотого века. Я смешивал их с маслом и смолой, добиваясь той самой текстуры, которая появляется только спустя триста лет.

Но самое сложное было не в этом. Самое сложное — это свет.

Вермеер был одержим светом. Он писал его так, будто солнце заглядывало в комнату только ради его картин. Он использовал камеру-обскуру, чтобы добиться идеальной перспективы. Я знал это из книг. Я знал, что мне нужно сделать то же самое.

Я работал в темной комнате. Свеча. Одно окно, занаве-

шенное тряпкой. И я писал. Я писал так, как не писал никогда в жизни. Я накладывал мазки крошечной кистью, слой за слоем, пока не добился эффекта, будто картина светится изнутри.

Через три месяца на моем мольберте стояла «Христос в доме Марфы и Марии».

Я смотрел на нее и не верил своим глазам. Это был не я. Это был он. Я чувствовал, как от холста веет холодом семнадцатого века.

Я позвал эксперта. Старый, седой, с очками на цепочке. Он вошел в мастерскую, взглянул на картину и замер.

Он достал лупу. Он смотрел на каждый сантиметр. Он трогал холст пальцами. Он нюхал краску. А потом посмотрел на меня.

— Хан, — сказал он тихо. — Это... это же Вермеер.

— Да, — ответил я, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. — Я нашел ее в частной коллекции. Хочу продать.

Он снял очки. Протер их платком. Надел обратно.

— Это... это невероятно. Я знаю все работы Вермеера. Все до единой. Но эту... я вижу впервые.

Я пожал плечами.

— Значит, вы знали не все.

Он ушел, унося с собой справку о подлинности. Через неделю обо мне писали газеты. «Неизвестный шедевр Вермеера обнаружен в Амстердаме».

Я смотрел на свое имя в газете, но мое имя там не упоминалось. Там было только «Вермеер». И я понял: я добился того, чего хотел. Но это было только начало.

Потому что одна подделка — это случайность. Две — это уже тенденция. А двадцать — это гениальность.

Я начал писать. «Христос у Эммауса». «Женщина, читающая письмо». «Искупление». Я писал их каждую ночь. Я превратил свою мастерскую в фабрику по производству прошлого. И каждый раз, когда эксперты восхищались «Вермеером», я смеялся в кулак.

Но однажды в мою дверь постучали. На пороге стоял человек в элегантном костюме. У него был акцент, который я

не сразу узнал.

— Господин ван Меегерен? — спросил он. — Меня зовут Йозеф. Я представляю интересы одного очень важного коллекционера из Германии.

Я сразу понял, о ком речь. Слухи ходили по всей Европе. Геринг скупал искусство. Он хотел все. И он хотел лучшее.

— Что вы хотите? — спросил я.

— Мой клиент слышал, что у вас есть Вермеер. Ему нужен еще один. Любой ценой.

Я посмотрел на него и улыбнулся.

Глава 3. Суд кисти

Тюрьма предварительного заключения, Амстердам, лето 1945 года

Два дня я не видел ничего, кроме серых стен и баланды. А на третий день дверь моей камеры распахнулась так, словно туда собирался войти сам господь бог. Но вошел капитан Пиллер. За его спиной двое солдат тащили тяжелый деревянный мольберт, замотанный в холстину, и массивный ящик.

— Вы сумасшедший, Меегерен, — хрипло сказал Пиллер, швырнув на мою койку пачку сигарет. — Я поднял на уши половину министерства. Если это фарс и вы просто тянете время, я лично сколочу для вас виселицу.

Я поднялся, чувствуя, как мелко дрожат колени. Тюрьма — это не отель «Европа». Без привычного портвейна и щепотки морфия мое тело бунтовало. Но когда солдаты сдернули холстину с мольберта, я забыл о голоде.

В ящике лежали бутыли с лавандовым маслом, куски старого холста, соскобленные до нитки, и порошки пигментов. Пиллер достал даже бакелитовую смолу — бог знает, на каком военном складе он ее реквизировал.

— Нам нужен Вермеер, Хан, — Пиллер прислонился к стене, заложив руки за ремень. Солдаты с автоматами встали у дверей. — Эксперты вынесли вердикт: ваше признание — бред висельника. Никто не верит, что «Христа и блудницу» написал провинциальный мазилка. Пишите. Докажите, что эти руки обвели вокруг пальца Третий рейх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.